

Annotation

Что если в нашей квартире рядом с нами живут соседи? Они живут в другой комнате, пригасить в которую до поры до времени не могут. Они смотрят на нас, пытаются дружить, следят за нашей жизнью. Но однажды наступает этап, когда мы перестаем видеть их, перестаем их понимать и с ними говорить. А они ждут. Проживают свой день и ждут чуда или просто наслаждаются моментом. Однажды, когда приходит время мы снова начинаем их видеть, а они радуются нам, как старым друзьям. А потом, если они разрешат мы уходим с ними в ту, другую комнату, откуда уже нет возврата к реальной жизни.

-
- [Другая комната](#)
-

Другая комната

- Начинаем занятие гимнастикой, - сказал мягкий мужской голос, - первое упражнение...

Где-то вдалеке хлопнула дверь. Я перелистнул рубрику «Алый парус», пробежался глазами по странице и отложил газету. Голова еще не прояснилась от утреннего звонка. Ее мягкий чарующий голос звучал где-то рядом, мешая сосредоточиться. Почему я тянул так долго? Почему решился только сейчас? Я не знал ответа. Многие вещи, происходящие в жизни, случаются просто так. Они просто случаются. И каждая из таких вещей может принести как внезапную скорбь, так и внезапную радость.

В окно светило доброе яркое солнце, птички-пичужки мелодично перекрикивали друг друга. Я потянулся и закрыл глаза, улыбаясь началу чудесного дня.

Послышался едва уловимый скрип и голоса. Похоже, прибыли гости. Надо бы посмотреть, поздороваться. Все-таки станем новыми соседями.

Я поднялся, вдохнул еще раз щемящий аромат весны и вышел из комнаты.

- Рызык, иди сюда!

- Саша, не гоняйся за котом.

- Да, мама.

Мальчик сделал вид, что ему все равно, но вскоре вновь послышался топот маленьких ножек.

- Пусть играет, - высокий темноволосый мужчина перехватил сумку и взял в руки чемодан, - я пока все положу в большой комнате, а ты глянь, что с кроватями.

- Рызык! - мальчуган выскочил в коридор и резко затормозил, - ой. Привет, а ты кто?

- Привет, - я улыбнулся, - я Сережа, а ты кто?

- Александр, - с важностью произнес мальчик.

- Очень приятно, малыш.

- Я уже не малый, - обиделся Саша, - мне почти пять!

- Хорошо, хорошо, извини, - я рассмеялся.

- Ты тут зывес? Мы тозе.

- Вы?

- Я, мама и папа. Есе есть бабуска, она далеко в делевне.

Мы к ней ездим летом.

- Значит, будем соседями.

- Навелно. А ты холосый? - Саша нахмурился, - а то смотли, я позову папу. Вообсе он говолит не говолить с незнакомыми.

Мальчик замолк, поняв, что нарушил приказ отца.

- Ну, мы ведь уже знакомы, - подбодрил я его, - так что не считается.

- И плавда. А давай длузить? Я новенький, - он вздохнул.

- Давай.

- Плиходи к нам чай пить.

- Посмотрим, - ответил я уклончиво, - ну мне пора, еще поговорим.

- Пока, - Саша махнул рукой и, потеряв ко мне всякий интерес, бросился за котом.

Я вернулся в комнату. Сел за стол и взялся за газету. Гимнастика уже кончилась, диктор рассказывал новости.

На этот раз мне повезло с соседями. Они не шумели, редко повышали голос и безмерно обожали своего ребенка. Когда мне становилось скучно я осторожно выглядывал за дверь или заходил к мальчику в комнату. Чаще всего я любил это делать, когда его отца не было дома, а мама ложилась спать.

- Тсс, - Саша прикладывал палец к губам и снижал голос, - мама устала, отдыхает. Ты за кого будешь?

Он указывал на роботов возле себя.

- За летающих.

Я имитировал звук двигателя и выстрелы. Мы час-другой сражались, смеялись и рассказывали друг другу интересные истории. Иногда я спрашивал моего маленького друга о жизни и о будущем. Он рассказывал про полеты в космос, про открытия далеких планет. Огонь так ярко озарял его мечты, что я невольно завидовал, поскольку и сам в детстве мечтал о чем-то похожем. Открывать новые миры, новые

земли... о, юность, ты так прекрасна отсутствием каких бы то ни было рубежей и границ. То время, когда тебе кажется, что все по плечу, и ты не живешь в рамках чьих то ограничений.

Мы говорили и мечтали, пока за стенкой не слышались шаги.

- Мне пора.

Саша понимающе кивал и хитро подмигивал. Он уже привык, что родителям не нравится новый друг. Один раз все закончилось скандалом - это был редкий случай, когда отец повысил голос.

- Марш в комнату и подумай над своим поведением!

- Ненавижу вас! - в сердцах крикнул мальчик.

- Не обижайся на них, - попросил я.

- Они злые, - захныкал Саша, - не лазлешают нам иглать.

Но ты же холосый! Мы длузья! У меня клOME тебя больсе нет длузей!

- Знаю, - я погладил его по голове, - просто, они пока не могут меня принять.

- Если бы ты хоть лаз им показался...

- Я бы с радостью. А знаешь, что? Давай дружить тайно?

Как шпионы.

Слезы в миг высохли на личике, и Саша с готовностью кивнул. С тех пор мы виделись реже, но каждый раз ненадолго расставаясь, я чувствовал покой в душе ребенка. Не скрою, что частичка счастья поселялась и во мне. Приятно иметь друзей, особенно, когда твой друг еще и трогательно наивен. У детей есть какая-то своя незамысловато-простая истина, которой они живут. Мировоззрение, которое делает этот мир немножечко чище и радостней.

Новости кончились. По радио передавали концерт. Я покачивался на кресле, созерцая как лучики солнца играют на зеленой листве и размышлял. Что толкает человека на определенные поступки, которые могут кардинально изменить жизнь раз и навсегда? Какая-то мелочь, что-то идущее вразрез ежедневному плану. Встал, почистил зубы, поехал на работу. И вдруг решил выйти на одну остановку раньше, пойти пешком. Просто так, безо всякой причины. И этот, казалось бы, простой поступок рождает цепочку событий, что переводит поезд судьбы на новые рельсы. Кто же знал, что тогда,

почти двадцать лет назад, простая прогулка обернется встречей, перевернувшей серый лист очередного дня.

Откуда-то сбоку полилась грустная нежная мелодия. Лиза играла на пианино. Я всегда радовался ее занятиям. Именно они смогли оторвать меня от чтения и впервые взглянуть на мир немножко по-другому. Не зря столько хороших слов говорят о ее Величестве Мелодии. Она может быть разной: громкой и дерзкой, как уличный хулиган; тихой и печальной, как тоска; надменной, как гордец и веселой, как праздный гуляка.

Мы с Лизой мало говорили, но даже редкие встречи дарили мне давно забытые ощущения гармонии. Вот и сейчас она играла любимую лунную сонату, уходя и растворяясь в ней. Отдавая всю себя без остатка. Худенькая, бледная с глубокими большими карими глазами, словно потерявшийся щенок. Ангел.

- Завтра я иду в школу, - объявил Саша. Я хотел было порадоваться, но мальчик нахмурился и добавил, - папа говорит, что я вырос и должен дружить с настоящими друзьями.

- А разве, мы с тобой не настоящие друзья?

- Да, но..., - он замаялся.

- Понимаю, - я положил руку ему на плечо, - я всегда тут. И если ты захочешь поговорить...

Он кивнул, а я знал, что он не захочет. Не ослушается отца. Последнее время мама Саши сильно болела, все чаще приезжала скорая. Пару раз мужчина видел, как сын играет со мной... Желая хоть в чем-то сохранить контроль, он ругал мальчика. Я знал, что тут нет ничьей вины, так сложились обстоятельства. Волнение и страх потери обозлит кого угодно.

Я старался помочь Саше забыть меня. Почти не показывался, хотя часто наблюдал за мальчиком. Кажется, он чувствовал меня, но делал вид, что занят уроками или едой.

Стало еще тяжелее, когда Саша вернулся домой в своем первом в жизни костюме. А потом бился в истерике на кровати, но никто не подошел и не утешил его. А я, как истукан, стоял рядом, но боялся, что мог сделать только больнее. Тогда что-то изменилось. Саша перестал меня замечать, даже, если я стоял на пути. Раньше, он просто отводил глаза, но сейчас... сейчас он повзрослел.

По обрывкам разговоров я догадался, что в школе его обижали, но Саша, стиснув зубы, шел вперед. Каждый раз приходил домой, спал, гулял, ел. Постепенно появились приятели, друзья. Как же я хотел сказать, что он молодец, но Саша бы меня не услышал. Тот же, от кого он мечтал услышать слова гордости и утешения каждый вечер засыпал беспокойным сном, щедро сдобренным порцией спиртного.

За окном по-прежнему светило солнце, сейчас оно было в зените, и городская жизнь набирала обороты. Лениво плелись автобусы, мужчины в клетчатых рубашках и белых штанах о чем-то шептались со спутницами с модными прическами. Слышался смех детей и звонкий лай собак. Совсем как тогда, когда мы гуляли по Невскому и смотрели на коней Клодта. Я шел рядом и все старался коснуться ее пальцев, а она смеялась каждый раз, когда мне это удавалось. Легкое прикосновение, как ветерок. Он всегда что-то приносит за собой. Что-то невесомое, волшебное, то, что нельзя потрогать или увидеть. В те минуты я был счастлив, хоть и не осознавал этого.

Лиза играла лунную сонату. Я закрыл глаза, отрешившись от всего мира. Состояние душевной гармонии... Еще только двенадцать. До вечера далеко и телефон позвонит не скоро. Боже, как хорошо...

- Топай, топай, попой хлопай, - Саша хохотнул и скинул куртку.

- Балбес, - резюмировала худощавая девушка лет пятнадцати, перекатывая во рту жвачку, - твоего точно нет?

- Бухает где-то, - отмахнулся Саша, - ушел с утра, а это надолго. Колу будешь?

- Валяй, - кивнула девушка и зашагала не снимая туфлей за кавалером.

Саша был ростом почти с меня. Несмотря на худобу, парень не казался хрупким. В глазах горел огонь, а руки то и дело касались вихрастой прически, словно пытались акцентировать на ней внимание. В воздухе плыл аромат первого одеколона.

Саша налил лимонад в стакан и протянул подруге. В движениях чувствовалась нервозность. Он боялся и в тоже время хотел

казаться крутым. Совершенно не знал, что делать дальше, но прекрасно знал, что хочет сделать.

- Не думала, что ты фанат слюнявых групп, - фыркнула девушка, указывая на бумажную картинку на стене.

- Это старье, все снять забываю, - слегка покраснел Саша и в доказательство с силой дернул бумагу, надорвав по краям, - фигня.

Я знал, что он лукавит. Я видел, как еще несколько лет назад, он любовно вешал то, что называл постерами. Как смотрел на певцов, как подпевал им в такт играющей музыке. Словно пытался дотянуться до самой сути песен, в надежде, что они помогут излечить прошлое. Пока Саша отвернулся, девушка тихо подошла и нежно дунула. Парень обернулся и замер, как вкопанный. Он еще больше покраснел, сглотнул, приобретя жалкий вид. А затем вытянул губы трубочкой и подался вперед.

Девушку звали Наташей. Она еще несколько раз приходила, пока отца не было дома. Все мы проходили через этот этап взросления. Пускай не в такой степени, не так часто и категорично-развязно, но проходили все. За Наташей появилась Олеся, потом Оля, Вера, Марина...

Все чаще я возвращался к себе, все чаще закрывал глаза, подставляя лицо весенним лучам. Теплые, как тогда на скамейке возле подъезда. Когда мы впервые поцеловались. Тут же покраснели и отвернулись. Что-то...какая то сила, она напоминала магнит и тянула навстречу друг другу. Я вовсе не собирался этого делать. Я рассказывал о том, что недавно прочел в «Юном технике», о будущем страны и тут обнаружил, что ОНА сидит слишком близко. Сидит и смотрит на меня глазами, полными восхищения. А дальше... мгновение... вспышка. Слишком быстро, слишком ярко...

Часы пробили два. Мое внимание привлек посторонний звук.

В большой комнате сидели гости. Во главе стола Саша. Он немного пополнел, стал носить очки. Рядом с ним женщина в белом платье. Она была старше, полноватая, совершенно иная, чем те девушки с которыми Саша встречался раньше. Рядом с женщиной скакал ребенок, разительно отличаясь от парочки рыжими волосами.

Гости радовались, поднимали бокалы, выкрикивали тосты. Саша улыбался и целовался с женой, но в глазах его уже не

было того огня, что я видел раньше. Саша часто пил и зябко потирал руки. В комнате и правда было холодно, но вряд ли дело было в этом. Я не знал, что подвигло его на брак, но явно не любовь. На лице я видел тоску и смирение. За столом не было Сашиного отца и только несколько фотографий на серванте напоминали о том, что когда-то был такой человек. Возможно, это подтолкнуло Сашу к столько решительному шагу? Боязнь остаться в одиночестве?

Четвертый час. Поразительно как быстро бежит время. Казалось, только утренняя зарядка и сонные дворники зевая машут метлами, сгоняя мусор в кучку, а моргнешь и уже прошел обеденный перерыв. Из булочной внизу пахло свежей выпечкой. Солнце все еще светило, хотя на небо набежали первые тучки. Пары за окном взглядом провожали пузатые фырчащие автобусы, смеялись и лопали мороженое. Мы с Нютой тоже сидели на лавочке, тоже провожали машины и наслаждались чувством влюбленности. Казалось, что вместе нам было все по плечу.

Я смотрел на прохожих и вспоминал все что было. Надежда робко сжала сердце, и я вновь поддался ей. Поддался, хотя прекрасно понимал, что все зря. Лиза опять играла, а до вечера было еще далеко. Что, если сегодня все будет иначе?

Саша копался в странной штуке с большим экраном. Кажется, это называлось «монитор». Впервые за долгое время я увидел отблеск того огня мечты, что зажигался в детстве. Саша всегда мечтал быть летчиком-космонавтом, да только юридический факультет показался отцу более реальным. Это последнее, что он успел сделать для сына, пока окончательно не ушел в себя. Я видел, как Саша ненавидит учебу, как считает ее тратой времени и как упорно ходит на нее, не рискуя признаться себе почему. Несмотря на презрение, на злость или страх он все еще любил отца.

Теперь же он вновь мечтал. Он разбирал и собирал, читал, слушал, разговаривал по телефону. Он жил. Жил, отдавая себя любимому делу. Все реже я видел его жену и ребенка, но это, кажется, Сашу совершенно не волновало. Жена не понимала его, никто не понимал. Семья для вида, семья для фона. Печально, но так иногда необходимо. Я знал, что есть одиночество, видел, что оно делает со

знакомыми и мысленно поддерживал Сашу даже в таких нездоровых отношениях.

- Да пошел он, - фыркнул заросший рыжеволосый пацан, - пусть только вякнет, мигом рыло начищу.

Он загоготал, друзья вторили ему.

- Заваливайте, - рыжий кивнул на диван, затем включил компьютер и вскоре из динамиков полилось что-то механическое и непонятное. Слова? Вроде и были, а вроде и нет. Скорее сигналы или звуки.

- Славик, - в комнату постучались, дверь приоткрылась и показалась Сашина голова.

- Чо те надо?

- Нельзя ли чуточку тише?

- Нельзя, и вообще, ты мне не отец, живешь на мамкины деньги, так что отвали!

Я видел вспыхнувшую на секунду искру в глазах. Но она тут же потухла и дверь закрылась. Саша вернулся к себе и продолжил изучать схемы. Он сильно изменился: виски поседели, на носу сидели очки с толстыми стеклами. Саша еще сильнее пополнил. Он листал страницу за страницей, но я понимал, что он не понимает, что прочитал. Вдруг, он отшвырнул листы и тихо заплакал. Как же я хотел подбодрить его или похлопать по плечу, но не мог.

Шесть часов. Словно новый день и новая надежда, нужно лишь, чтобы верх и низ поменялись местами. Плюс на минус, минус на плюс. Большая стрелка на маленькую, маленькая на большую.

Начинало холодать. На улице стало меньше прохожих, а вот транспорта напротив прибавилось. Усталые пассажиры после трудового дня спешат домой. Кто-то сидит у окна с газетой, кто-то беседует с кондуктором, кто-то смотрит на небо. А кто-то идет по улице от злости пиная любой попадавшийся мусор. Военный... все они такие. Любят командовать везде, любят контролировать семью. Я говорил Нюте, что еще не время... говорил, но она не верила и рассказала про нас. Ее папаша сделал все, что можно, чтобы разлучить нас. Чтобы показать ей, что я слишком слаб, что недостойн ее. И я

доказал. В пылу ссоры чего только не сделаешь, особенно если тебя оскорбляет надутый гусь. И как же иногда приятно съездить такому гусю по физиономии.... Я видел ужас в ее глазах, видел, как меркнет свет любви и рождается презрение и обида. И те мерзкие слова, что я потом выкрикнул... Зачем?

Я сидел рядом с Лизой. Ее худенькие белые руки, похожие на веточки, нервно теребили одеяло. Взгляд метался по потолку. Я знал, что ей очень больно и страшно, но даже в эту минуту она хотела играть. Она тянулась к музыке, проигрывая в голове любимую сонату. Я сочувственно улыбнулся и дотронулся до пальцев умирающей. Лиза посмотрела на меня, а затем на старенькие часы на стене. Она знала, что ее время кончается, но пыталась мужественно выдержать испытание. Каждый раз, как первый раз. Умереть, чтобы вновь восстать, словно феникс, переродиться в мелодии слез и музыке ангелов. Проснуться, чтобы снова и снова перебирать клавиши, пробуждая сонатой спящих соседей.

- Прощай, - я поцеловал ее в лоб, - до новой встречи.

Она не ответила. Замерший взгляд остановился на часах, пальцы разжались. Через минуту дверь откроется и донесется горький плач. Я не стал дожидаться этого момента.

- Можешь же, когда хочешь, - усмехнулась жена.

Она развалилась на подушках, уставившись в потолок. Ее толстое тело занимало почти всю кровать. Покрасневший Саша тяжело дышал, пытаясь прийти в себя. Сердце кольнуло.

- Спи, завтра важный день, не забыл?

- Как я могу забыть, - проворчал Саша, отворачиваясь на другой бок.

Через десять минут раздался храп. Саша вылез из-под одеяла и вышел на кухню. Сел у окна и достал сигареты. Он похудел, вокруг глаз появились морщины, волосы еще больше побелели. Саша курил, медленно выдыхая дым и думал. Взгляд ушел куда-то далеко, значительно дальше разговора с шефом насчет повышения. Десять лет работы в фирме, карьерный рост, работа до ночи и новые друзья, готовые предать в любую минуту ради выгоды. Юрист, как и мечтал отец. Работа, что принесла деньги и заставила Славику уважать

отчима. Жена перестала так часто пилить, в квартире появился ремонт и новая техника. Но...

Я видел тоску в глазах Саши. Отказ от мечты, слабость, страх и одиночество в семье окончательно погасили пламя. Что стало с тем мальчиком, который воображал себя летчиком? Что стало с тем парнем, который стыдливо подпевал девчачьим группам, боясь как бы его не увидел отец? Что стало с тем мужчиной, который штудировал схемы и разбирал компьютеры?

Болото быта и работы засасывало с каждым годом все сильнее, оставляя на поверхности лишь ноздри для короткого вздоха. Денежная свобода - иллюзия жизни. Открывая новые границы, она убивает мечту. Увы, очень редко, когда все бывает наоборот.

Саша смотрел вниз, и я прочитал единственное мимолетное желание прыгнуть и покончить со всем этим. Я пошел прочь и тут Саша обернулся. Пару секунд он зачарованно смотрел в проход кухни, но затем погасил сигарету и закрыл лицо ладонями. Неужели он увидел меня?

Часовая стрелка почти дошла до восьми. Яркое весеннее солнце уже давно скрылось за горизонтом, уступив место фонарям, редким машинам и гулякам. Я поежился, поднялся ветер, проникая сквозь тонкие щели окна. Где-то там Нюта готовится к свадьбе сестры. Я не знал, что спустя столько лет нам предстоит еще одна встреча. Не знал, что мы оба так никого и не встретили. Как бы я ни злился, но не мог заставить себя забыть наши встречи и первый поцелуй. Потом по телефону она расскажет мне тоже самое. Как ждала все это время, надеялась и ненавидела одновременно. Глупость - один шаг до бездны. А подняться наверх удастся далеко не всем. Жизнь редко дает второй шанс. Видимо, я был счастливчиком. Только на свадьбе я узнал, что мой добрый приятель женится на Нютиной сестре.

- Вадик, тихо, дедушка отдыхает, - темноволосая женщина укоризненно посмотрела на сына.

- Прости, мама.

- Да ладно, этот старый хрыч, все равно ни черта не слышит, - пробурчал рыжеволосый, водя пальцем по экрану новомодного устройства.

- Нельзя так отзываться об отце, Славик, - укорила жена.

- Отчиме, - процедил рыжий.

Саша сидел у окна, наблюдая за осенним дождем.

- Привет, - улыбнулся я, входя в комнату.

Он обернулся, с минуту смотрел на меня, затем смутная догадка мелькнула в сознании.

- Сережа, - он растянул губы, обнажая редкие зубы, - как же я рад тебя видеть. Ты совсем не изменился.

Я пожал плечами и присел на край кровати. Почему-то я не сомневался, что Саша вновь увидит меня. Одиночество последних лет позволило вернуться в воспоминания прошлого.

- Где ты был столько лет? Почему ушел?

- Потому что ты сделал выбор. Ты повзрослел и перестал видеть, - я немного помолчал и добавил, - вернее, перестал хотеть видеть.

- Я так часто хотел с тобой поговорить, хотел услышать твой совет.

- Ты хотел ЕГО поддержки, ЕГО гордости.

Саша отвернулся к окну. Почти вся замазка отвалилась и стекло едва держалось. На подоконнике медленно скапливалась маленькая лужица.

- После ее смерти отец... он замкнулся, он не хотел слушать и... прости, я не должен был отказываться от тебя. В итоге он все равно помер в обнимку с бутылкой где-то на набережной.

- Это не твоя вина.

- Да, но... посмотри на меня.

Тут дверь распахнулась и появился Славик.

- Опять сам с собой болтаешь?

- Нет, я... - Саша с надеждой посмотрел на меня. Я покачал головой, и Саша сразу сник, - да, извини. Старый стал.

- Это заметно, - на лице рыжего промелькнуло отвращение. Словно, отчим был чем-то омерзительным, вроде таракана.

- Забавно, - Саша усмехнулся, - я так хотел уйти от одиночества после ЕГО смерти, но в итоге вернулся к нему. Вся жизнь прошла не так, как хотелось. Страх... вечный страх... Сперва я поддался ему, потом шел на поводу у своей слабости, слушал не тех, кого надо. А ведь я мог стать известным и богатым, если бы тогда продолжил

изучать компьютеры. Тридцать пять лет назад я почти изобрел то, что появилось только лет пять назад.

Он тяжело вздохнул. Разочарование, уныние и сожаления. Слишком часто я видел, как они приходят под конец. Дождь набирал силу, пытаясь пробить стекло. Стук капель заглушал тяжелые мысли, играя какую-то свою неведомую волшебную мелодию жизни.

Без пяти девять. Я шагал из стороны в сторону, не в силах унять волнение. Где-то глубоко внутри я знал, что все уже случилось, и ее сестра уже идет к телефону, чтобы набрать мой номер.

После первой за столько лет встречи я стал сам не свой. Я видел Нюту во сне, видел наяву. Она сводила с ума, пробуждая меланхолию и стыд за трусость последних лет. Я знал, что все еще люблю ее, а потом однажды настало утро. И я просто позвонил. Узнал телефон от ее сестры. Помню, смесь надежды и презрения с которым она диктовала цифры. Говорила, что Нюта ждет до сих пор и что я подлец. Я знал это, но был не в силах изменить все, что наворотил в прошлом.

Но что если сегодня все будет иначе? Слишком наивно слепо верить в чудо, слишком тоскливо в него не верить. Даже в море безысходности должен быть островок спасительной веры.

Саша смотрел в потолок. Он не сразу услышал меня, а затем долго вглядывался, пока в мутных глазах не появился проблеск разума. В комнате ужасно пахло. Переполненное ведро в углу, капельница и лекарства. Грязное, в пятнах одеяло едва вздымалось вслед за дыханием больного.

Я присел рядом, пытаюсь в сморщенном лице, затаянном желтоватой кожей узнать мальчика, которого встретил около восьмидесяти лет назад. Дверь открылась, вошел рыжий. Его украшала седина и пивной живот. Поморщившись, он сломал ампулу, заполнил шприц.

- Ну, дай руку.

- А..а..

- Да твою мать... руку дай, - в голосе не было сочувствия, только злость. Славик вколол лекарство, не обращая внимание на скорчившегося от боли старика. Затем повернулся и поскорее ушел.

Я знал, что если бы не сердобольная жена, он бы давно избавился от отчима, сдав его в дом престарелых.

- За что? Что я такое ему сделал? - плакал Саша. При этом его рот мог выдать только гласные звуки и наше общение перешло на другой уровень, - я дал ему образование, баловал. Почему он меня так ненавидит?

- Влияние матери, характер, страх. Много всего.

- Страх? Но чего?

- Будущего. Он видит в тебе себя и это его пугает.

- Все прошло не так. Столько ошибок, столько неверных дорог. Все впустую. Никому не нужный старик. Сдохну один.

По сухонькому лицу прокатились тонкие полоски слез.

- Не один. Я всегда был рядом и буду рядом, пока ты жив. Мы же друзья, помнишь?

- Пригласи меня к себе, - попросил Саша, - в ту, другую комнату, где ты живешь.

- Когда-то ты просил об этом. Я сказал тебе, что еще не время.

- А что ты скажешь сейчас? - он с такой мольбой смотрел на меня, что я не мог отказать.

- Выбор за тобой. Но если мы выйдем, ты уже не вернешься.

- Мне давно некуда возвращаться.

Я взял Сашу за руку и повел за собой. Через длинный коридор мы вошли в прокуренное помещение. Мужичок в майке и штанах лихо играл на баяне. На газетке стояла новенькая «Столичная» и лежал кусок сала.

- Михалыч, - сказал я, - его лучший день. Тот, что он запомнил среди череды долгих неудач. Купил баян и решил отпраздновать. Он ведь всю жизнь мечтал о баяне, жаль только недолго успел им насладиться.

- Он нас видит? - Саша подошел к Михалычу и помахал рукой.

- Нет. Мало кто проснулся, большинство живут в своем лучшем дне или дне, что запомнился навсегда. Скоро он допьет бутылку и заснет. Это будет его последний счастливый день.

Мы прошли дальше и оказались в затемненной комнате с выбитым стеклом. На подоконнике лежал снег, рядом стояла сгорбленная худая женщина, замотанная в платки. Из ее рта шел пар, а взор бродил по заснеженной улице.

- Это тоже ее лучший день? - не поверил Саша.

- Это ее самый памятный день, - я грустно покачал головой, - сегодня она потеряет сына. Его убьет бомба прямо на ее глазах. Спустя час она умрет от горя.

- Но, если она может выбрать любой день...

- Не всегда. Я не знаю, как это работает, иногда это наш лучший день, иногда желанный. Она так хотела дожидаться сына, что даже после смерти продолжила его ждать.

Мы оставили ее и прошли в следующую дверь. В воздухе еще пахло лекарствами, на кровати со скомканными простынями было пусто.

- Она тебе понравится.

- Она? - не понял Саша и осмотрелся, - я никого не вижу.

- Завтра увидишь, если проснешься. Лизина музыка заставила меня вспомнить прошлое. Меня и некоторых других. Сегодня она впервые без ошибок сыграла Бетховена. А спустя час настиг новый приступ, который убил ее.

- Где же она сейчас?

- Кто знает, - я пожал плечами, - она исчезла, чтобы переродиться и завтра вновь исполнить любимую мелодию.

Мы прошли много комнат, пока не оказались в моей. Стол, газета и часы. Без минуты девять.

- А что же ты? - Саша обернулся.

- Я... утром я позвонил той, которую любил всю жизнь. Спустя много лет я просто позвонил и сказал, что прошу ее стать моей женой. И она согласилась. Тогда у нее гостила сестра и Ньюта обещала приехать вечером. Обещала, но...

Я не спешил с ответом, и Саша кивнул. Когда-нибудь я расскажу ему, как могут умереть мечты из-за плохой работы механика на заводе. Как простая мелочь может заставить тормоза не сработать, а машине врезаться в набережную и свалиться вниз.

- Что дальше?

- Ты должен выйти за дверь и последний раз вернуться в свою комнату.

- Я умер? - в его голосе не было страха, словно Саша хотел уточнить то, что и так ему известно.

- Почти. Завтра ты окажешься там, где пожелаешь. Выбор может быть странным, но он всегда такой, как велит сердце.

Саша протянул руку, я пожал ее. Из всех соседей этот паренек мне нравился не меньше Лизы, может, я просто становлюсь слишком сентиментальным?

Саша ушел. Вечером Славик еще раз зайдет к отчиму и обнаружит, что тот мертв. Славик облегченно вздохнет, а спустя год переделает комнату под мастерскую. Жизнь продолжается несмотря ни на что. Продолжается до рождения, когда мы видим, но не запоминаем; продолжается после смерти, когда мы можем проснуться и переживать один единственный день многократно. Мой же день почти закончился.

Секундная стрелка тикала, неумолимо приближаясь к отметке двенадцать. Кажется, что все получилось и день завершится иначе, но... ровно девять.

Дз-з-з.

- Алло.

- Сереженька, - в голосе слышался надрыв. Ее сестра никогда не позволяла себе называть меня так. Только Сергей.

- Да.

- Ужас, что случилось... о Боже... - она с трудом справилась с рыданиями, - Анечка... наша милая Анечка...

- Что случилось?! - я изо всех сил старался владеть собой.

- Ее машина влетела в ограду... на набережной... она... она... - сестра разрыдалась и с трудом выдавила последние слова, - она упала в воду... Нюта утонула...

Я видел себя со стороны, как я смеялся, как бился в истерике. Любовь. Она движет нами. Движет в жизни, движет в смерти. После ссоры я пытался наладить свою жизнь, но знал, что Нюта где-то там, что она, возможно, счастлива, что у нее дети. Что она жива. А теперь... я просто не мог представить себе жизни без нее.

Именно из-за любви я выбросился из окна и именно из-за любви я переживал этот день снова и снова, надеясь, что все обойдется и ровно в девять мне не позвонит Нютина сестра, чтобы сообщить последнюю в моей жизни новость.

Эпилог

Часы пробили полдень. Я услышал странную дрожь. Новые соседи? Вот уж не повезло, помню однажды устроили ремонт да так, что я почти носа не высовывал из своей комнаты.

Дрожь усилилась. Я нехотя покинул прекрасное весеннее утро и вышел на улицу. Вокруг уже столпился народ - те, кто проснулся от вечного дня. Старики и молодые, женщины и дети. Кого-то я смутно помнил, кого-то видел мельком, кого-то и вовсе не знал. Я подошел к Лизе и Саше. Уже давно они держались друг друга.

- Сто это? - прошепелявил малыш, обнимая рыжего кота.

Лиза стояла рядом, взволнованно шевеля нервными пальцами, словно играла на невидимых клавишах. Я пожал плечами.

- Они сносят дом, - прошамкала старуха с синими цветами в руках, - больше не будет новых соседей. Пока не построят новый.

- Заль, - Саша грустно вздохнул, - я уже подлизился с новым мальчиком, а тепель с кем я буду иглать?

- Ты можешь приходить ко мне, - предложил я, - посмотреть на весеннее солнце и послушать радио.

- Или сыграть со мной на пианино, - вторила Лиза.

Саша покачал головой. Я знал, что он не придет. Он выбрал не день смерти, а другой - счастливый и беззаботный миг детства, когда можно было просто играть с котом. Жизнь и смерть без сомнения связаны и без соседей, мы - выбравшиеся меланхолию последнего прощания - не могли видеться с другими, теми, кто забыл или не хотел помнить прошлого. Теми, кто жил последним мгновением счастья, лучшим за недолгий земной век.

Мне будет не хватать этого мелкого чертенка. наших разговоров и игр. Надеюсь, новый дом построят быстро, и новые соседи позволят нам увидеть наших знакомых.

Дрожь стихла. Улица потихоньку пустела - все возвращались в свои комнаты. Последней ушла Лиза. Я проводил ее взглядом и помахал на прощание. Завтра она снова разбудит меня

волшебной сонатой, выполненной без единой ошибки. А сегодня... что ж. Я взглянул на часы. Ровно три. Еще есть время, можно понаблюдать за спешащими по делам пешеходами, послушать радио или прочитать статью на странице любимой рубрики «Алый парус».